

№ 788
292

ПРАВДА

О ГРАФѢ ЛЬВѢ ТОЛСТОМЪ.

Москва. 1901.

104

150. B. B. B. B. B.

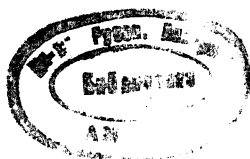
ПРАВДА

О ГРАФѢ ЛЬВѢ ТОЛСТОМЪ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1901.

Дозволено цензурою. Москва. Мая 12 дня 1901 года.

Ради истины и здраваго смысла считаемъ полезнымъ познакомить русскихъ читателей и писателей со статьёй о Толстомъ, появившейся на дняхъ въ майской книжкѣ известнаго лондонскаго журнала *Monthly Review* (Мѣсячное Обозрѣніе). Авторъ, г. Кальдеронъ, даетъ этой статьѣ заглавіе: *The Wrong Tolstoi* (Лже-Толстой).

Май 1901 г.

ПРАВДА

О ГРАФѢ ЛЬВѢ ТОЛСТОМЪ.

Русская церковная власть признала и установила наконецъ фактъ, который вотъ уже едва не четверть столѣтія очевиденъ былъ для всего образованнаго міра — совершенный разладъ между ученіемъ церкви и ученіемъ Толстого. Св. Синодъ подтвердилъ отлученіе отъ церкви графа, который давнымъ давно уже тѣмъ и занимается, что отлучаетъ отъ себя церковь. Долгое молчаніе Синода только тѣмъ развѣ и объясняется, что до него не доходили задерживаемыя цензурою религіозныя писанія Толстого.

Толстой и ученики его отвергають «бессмысленный и безнравственный» догматъ искупленія, вмѣстѣ съ ученіемъ о личности Божества,

о Божествѣ Христа, о будущей жизни, обо всемъ, на чемъ основана церковь со всѣмъ своимъ богослужениемъ и обрядомъ. Казалось бы поэтому, что они должны равнодушно встрѣтить громы церковнаго осужденія, казалось бы — какое можетъ быть негодованіе учениковъ за то, что церковь отказываетъ учителю въ утѣшеніяхъ религіи, которыя онъ столько лѣтъ уже отвергаетъ, провозглашая, что они суть ложь и насиліе. И чтожь? не удивительно ли, что теперь они призываютъ весь цивилизованный міръ раздѣлить съ ними вопль горькаго негодованія на клерикальную тираннію.

Въ виду такой странной непослѣдовательности стоитъ вдуматься въ психологію этой странной кучки энтузіастовъ при свѣтѣ того социальнаго и религіознаго ученія, которое они исповѣдаютъ.

Изъ среды полуобразованной, съ тѣхъ поръ, какъ въ нее проникли серіозныя мысли, выродилось новое общество людей, исполненныхъ благородныхъ, но не глубокихъ стремленій — ожидающее и требующее осуществленія мира и счастья на землѣ. Эти люди требуютъ немедленныхъ, рѣшительныхъ для того мѣръ: ученые не даютъ имъ желаннаго отвѣта; тогда они ищутъ себѣ пророка. И вотъ, когда этотъ пророкъ про-

повѣдуетъ имъ, что врачи ихъ ничего не понимаютъ въ лѣченіи болѣзней, что ихъ священники и правители употребляютъ власть свою и разумъ только для своей личной выгоды,—они принимаютъ пророка съ восторгомъ—точно онъ сказалъ имъ больше, чѣмъ сами они знали и думали,—и становятся ново-христіанами, теософами, толстовцами или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ.

Находя, что всѣ ученые и философы не въ силахъ рѣшить неразрѣшимые вопросы жизни, они обратились за вѣрнымъ рѣшеніемъ ихъ къ людямъ, которые не обременены никакимъ знаніемъ.

И вотъ такая-то публика отверзла уши на проповѣдь Толстого. И онъ сталъ учить, что всякіе докторы, законовѣды, духовные, государственные люди, ученые, философы—всѣ либо безумцы, либо обманщики и шарлатаны, и что міръ долженъ отбросить всю свою цивилизацію, знаніе, искусство, таланты, вѣрованія, законы, арміи, флоты и все соціальное устройство. Очевидно, что такое слово должно показаться дико образованнымъ членамъ общества, такъ какъ всѣ они—суть докторы, законовѣды, государственные люди, духовные, военные, ученые, землевладѣльцы и т. под. Сверхъ того есть еще болѣе

важная причина, почему людямъ разумнымъ и образованнымъ не убѣдительно благовѣстіе Толстого: причина та, что это благовѣстіе во всѣхъ частяхъ своихъ состоитъ въ противорѣчій не только съ разумомъ и опытомъ, но и само съ собою; а такая несостоятельная мысль—хотя можетъ быть свойственна частному разсужденію отдѣльнаго лица, но уже никакъ не свойственна философіи. Частная мысль можетъ еще колебаться по расположенію духа,—но истина должна быть всегда вѣрна самой себѣ.

Но несостоятельность мысли—ничего не значить для энтузіаста. Этой обширной и все возрастающей дружинѣ энтузіастовъ свойственны всякія противорѣчія вѣрованій, свойственно даже вѣрить въ сознательную для нихъ самихъ ложь. Однако эти люди нерѣдко орудуютъ общественнымъ мнѣніемъ—они создаютъ репутаціи: однихъ покрываютъ позоромъ, другихъ вѣнчаютъ славою,—они накаплиютъ массу горячаго матеріала, отъ котораго можетъ загораться и серьезная часть общества.

Дѣлу Толстого эти люди нанесли большой вредъ, потому что мнимаго, лже-Толстого поставили они какимъ то идоломъ въ музей славы, а настоящаго, подлиннаго Толстого укрыли, поставивъ въ тѣнь. Я говорю не о литераторѣ

Толстомъ, который имѣетъ прочную репутацію въ мнѣніи всѣхъ разумныхъ людей; говорю о раздвоенномъ Толстомъ послѣдняго времени: одинъ, настоящій, добрый человѣкъ, хозяинъ Ясной Поляны; другой, лже-Толстой, безъ устали пишущій книги и памфлеты, въ которыхъ подвергаетъ брани и позору всѣ лучшія достоянія ума и труда человѣческаго.

Эта двойственность—тяжкое испытаніе и для самого Толстого и для учениковъ его. Лже-Толстой написалъ большую книгу въ доказательство того, что онъ тотъ же, что и настоящій Толстой. Въ этой книгѣ стремится онъ возвестить противорѣчіе бытія своего въ религіозный догматъ, который можно назвать *параллелограммомъ нравственныхъ силъ*. Ученики его выставляютъ этотъ догматъ, какъ основаніе для сужденій о Толстомъ, въ оправданіе очевидныхъ противорѣчій между словами его и дѣлами.

Лже-Толстой пишетъ памфлеты въ доказательство того, что человѣкъ долженъ отрѣшиться отъ всякой собственности, не знать жены и дѣтей; и въ то же время настоящій Толстой живетъ съ своимъ семействомъ на всѣхъ удобствахъ жизни, въ помѣстьи Тульской губерніи.

И вотъ чѣмъ объясняетъ себя: «Онъ желалъ (говоритъ одинъ изъ его хвалителей, М-ръ

Эльмеръ Модъ) дѣйствовать въ полномъ согласіи съ своимъ ученіемъ, но не могъ этого исполнить. Не могъ, напримѣръ, отрѣшиться отъ своей собственности, не раздражая жены и дѣтей своихъ—пожалуй въ такомъ случаѣ они обратились бы къ властямъ съ просьбою воздержать его. Это очень смущало Толстого; но онъ почувствовалъ, что нанося вредъ, не можетъ сдѣлать добра. Никакое рѣшительное дѣйствіе (наприм., раздать все бѣднымъ) не могло бы служить ему оправданіемъ,—ибо возбудило бы горькое чувство гнѣва въ сердцахъ самыхъ близкихъ людей. И такъ пришлось ему передать всю остальную собственность женѣ и семейству и продолжать жить по прежнему въ хорошемъ домѣ съ прислугою, съ кротостью вынося упреки въ «непоследовательности» и удовольствоваться тѣмъ, что, въ дополненіе къ литературному труду, занимается ручной работой и живетъ по возможности просто и воздержно».

Трудно стало быть оказывается «сдѣлать добро, не причиняя вреда, не производя горькаго гнѣва въ сердцахъ близкихъ людей». Это «маленькое» затрудненіе естественно является, когда человѣкъ, особливо еще женатый, вздумаетъ приводить въ исполненіе систему жизни, основанную на нищетѣ и безбрачїи. И вотъ

Толстовцы обыкновенно раздражаются, когда слышатъ упреки учителю ихъ въ непослѣдовательности: въ этомъ раздраженіи несомнѣнно есть личное чувство, потому что всѣ они, покланяясь системѣ, не исполняютъ ее—едва найдется одинъ такой вѣрный въ тысячахъ поклонниковъ Толстого, разсѣянныхъ по всему свѣту. И эта черта особенно характерна въ религіи воинствующей, которая вопить на весь свѣтъ, что всѣ прочія религіи суть не что иное, какъ ложь, изобрѣтаемая лишь для оправданія развратной жизни ихъ послѣдователей.

И разумѣется трудно, очень трудно исполненіе. Тяжкое дѣло для человѣка презирающаго и отвергающаго покровительство закона—жить на своемъ помѣстьи (такое Толстой вѣроятно предполагаетъ у каждаго изъ учениковъ своихъ) и кормиться, безъ всякой купли и продажи, трудомъ рукъ своихъ,—когда еще притомъ со всѣхъ сторонъ бродятъ толпы христіанъ голодныхъ. Мы читали недавно отчеты одной общины дѣйствительныхъ Толстовцевъ: такова община жителей Никобарскихъ острововъ, которые конечно не слыхивали о Толстомъ. Вотъ какъ живутъ они: «нѣтъ у нихъ ни одного человѣка, кто бы имѣлъ власть. Совершенное отсутствіе подчиненія—самая явственная черта социаль-

наго ихъ быта. Въ селахъ нѣтъ никакого старшины. Мужья не имѣютъ никакой власти надъ женами, родители надъ дѣтьми—всякій человѣкъ самъ по себѣ ни отъ кого не зависитъ. Никто не работаетъ, да и нѣтъ нужды работать. Всякій находитъ все, что нужно у своего жилища. Косовыя деревья столько приносятъ плодовъ, что дѣвать некуда,—а что остается, то они промѣниваютъ на ромъ, на табакъ, на серебряныя ложки, на черныя колпаки, до которыхъ они большіе охотники. Нѣтъ никакой борьбы за существованіе,—шести-лѣтній ребенокъ и тотъ можетъ добыть себѣ все, что нужно. Никому не приходитъ на мысль, что нужно платить какія-нибудь подати, что нужно считаться съ какими-нибудь сосѣдями. Вообще нечего сказать объ нихъ дурного—они добрые, простодушные люди. Деньги ни на что имъ не нужны, они и не знаютъ денегъ, только берутъ охотно мелкія монеты, потому что дѣлаютъ себѣ изъ нихъ украшеніе».

Вотъ осуществленіе Толстовскаго идеала. Примѣчательно въ немъ, и напоминаетъ Толстого, что сказано о монетахъ: у него въ сказкѣ Иванушка дурачекъ сказано: «когда попадаютъ имъ деньги, они отдаютъ монеты своимъ бабамъ на ожерелье, дѣвки вплетаютъ ихъ въ волосы,

а ребятишки играютъ ими на улицѣ». Правда, Никобарцы—не ангелы и не достигаютъ совершенства—нуженъ имъ ромъ и табакъ, а это не входитъ въ систему Толстого. Но во всемъ остальномъ они исполняютъ въ точности ученіе Толстого: никакой дисциплины, никакого подчиненія. Они обладаютъ такою цѣльностью убѣжденія, какой не можетъ похвалиться самъ Толстой, ни ученики его; они одни, можно сказать, живутъ въ такихъ условіяхъ быта, въ какихъ можетъ осуществиться политическая экономія Толстого: «нѣтъ борьбы за существованіе—все, что нужно для жизни, готово—у воротъ». Болѣе того и Толстой не требуетъ. Онъ убѣжденъ, что бѣдность рабочаго класса происходитъ отъ того только, что богатые гонятъ бѣдныхъ съ земли, кишащей хлѣбомъ и всякими плодами земными, но такая политическая экономія возможна развѣ гдѣ на югѣ Россіи, на черноземѣ, и то въ урожайные годы. Если бы когда-нибудь обезумѣлъ весь міръ и сталъ бы примѣнять Толстовскую теорію правленія, населенію пришлось бы бѣжать изъ Англіи, Франціи, Германіи, Россіи,—бѣжать куда-нибудь на черноземныя мѣста или на острова Никобарскіе.

Положимъ, что все это—личныя заблужденія: мудрѣйшій изъ философовъ можетъ заблуж-

даться. Но лже-Толстой опирается на авторитетъ Иисуса Христа, чтобы оправдать свое учение, чтобы подкрѣпить авторитетомъ недостатокъ разумныхъ основаній. Гдѣ бы ему уловить столько учениковъ, если бы онъ не ссылался на Евангеліе.

Какъ бы ему укрыться отъ критики, когда бы онъ не настроилъ себѣ крѣпостей изъ библейскаго текста. И вотъ, надобно посмотрѣть на чемъ эти крѣпости держатся, и эти связи, которыми силится онъ укрѣпить и привести къ единству свое философское учение,—можно ли признать вѣрными и подлинными.

Подлинный, настоящій Толстой какъ будто вѣруетъ въ Бога, подобно всѣмъ христіанамъ.

«По моему мнѣнію (говоритъ онъ въ Сентябрьскомъ письмѣ 1900 года) мало сказать, что Богъ есть любовь, Богъ есть слово, разумъ. Любовью и разумомъ мы познаемъ Бога; но идея Божества не только не тождественна съ этими понятіями, но они столь же различествуютъ съ идеей о Богѣ, какъ понятіе глаза или зрѣнія различествуетъ съ понятіемъ свѣта.»

Но другой Толстой, оборотный, въ основной схемѣ своего учения, плѣняющей восторженныхъ его послѣдователей, прямо отождествляетъ Бога съ понятіемъ Логоса или Разума;

а Бога какъ существо, признаеть ложью, изобрѣтенною паразитами религіи.

«Начало всѣхъ вещей было Разумъ (Логосъ), и Разумъ былъ равенъ Богу и заступалъ Бога, и Разумъ (Логосъ) былъ Богъ». Таковъ созданный Толстымъ фальшивый переводъ текста Іоан. 1, 1, (см. Толстого — согласованіе Евангелій, Русское изданіе, т. 1. стр. 19 и 23).— «Свѣтъ явился, переводить Толстой,— въ особомъ родѣ (ἦλθε εἰς τὰ ἴδια: Іоан. 1, 11) и особый родъ его не принялъ.» А буквальный переводъ съ греческаго таковъ: «пришелъ къ своимъ и свои его не приняли.» Но Толстой, начавшій учиться греческому языку въ сорокалѣтнемъ возрастѣ, не признаеть родовъ въ грамматикѣ. «Τὰ ἴδια,» говоритъ онъ, означаетъ нѣчто отдѣльное, индивидуальное, очевидно противопологаемое міру вообще. Свѣтъ былъ во всемъ мірѣ, и въ особомъ родѣ, и потому къ слову ἴδιος,—особый, отдѣльный, я прибавляю слово, «родъ, народъ.» Казалось бы, что сочетаніе существительнаго мужескаго рода съ прилагательнымъ средняго рода есть операція совершенно неизвѣстная грамматикѣ нашихъ школъ и университетовъ.

Тутъ не одна только игра грамматическихъ фантазій—тутъ самые корни Толстовства.

Подлинный Толстой, добродушный хозяинъ Ясной Поляны, знаетъ, что всѣ мы несовершен-

ныя существа, большею частью, подобно ему, добродушные люди, кое какъ умѣя работающіе надъ задачами соціальной жизни, подъ кровомъ Высшаго Промысла, отъ коего чаемъ наконецъ воздаянія въ лучшемъ мірѣ.

«Убѣждаюсь болѣе и болѣе (говорить онъ въ октябрьскомъ письмѣ 1900 г. См. въ листкѣ свободнаго слова Черткова) въ нереальности того міра, въ коемъ мы живемъ. Не скажу, чтобъ это былъ сонъ, но это лишь одно изъ безчисленныхъ проявленій жизни.»

Но философія лже-Толстого отвергаетъ чаяніе будущей лучшей жизни. Для лже-Толстого міръ осѣняетъ не благой промыслъ, но злой рокъ, въ союзѣ съ паразитами жизни. Жизнь есть борьба зла съ разумомъ. Богъ—не правитель вселенной, но простой здравый смыслъ, слабый пособникъ человѣку противъ преобладающей силы зла. Это нѣчто въ родѣ мрачнаго Буддизма, смягчаемаго фантазіей. Будущая жизнь,—тоже изобрѣтеніе паразитовъ, одуряющій напитокъ для рабочаго класса людей.

Лже-Толстой, вынуждаясь искать себѣ опоры въ Евангеліи, прибѣгаетъ къ тактикѣ самаго страннаго свойства, для устраненія изъ Евангелія всякихъ обѣтованій будущей жизни.

Въ Евангеліи отъ Матѣея XIX, 28, Иисусъ Христосъ говоритъ: «вы, послѣдовавшіе за Мною, въ пакибытіи, когда сядетъ Сынъ Человѣческій на престолѣ славы Своей, сядете и вы на двѣнадцати престолахъ, судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ.»

«Этотъ стихъ я опускаю,—говоритъ Толстой,—такъ какъ онъ не имѣетъ никакого опредѣленнаго значенія... Онъ или ничего не означаетъ, или звучитъ насмѣшкой, ироніей.»

У Марка X, 30, Иисусъ говоритъ: «получить сторицею нынѣ, и въ вѣкъ грядущій (ἐν τῷ αἰῶνι τῷ ἐρχομένῳ) животъ вѣчный.» «*Ερχομαι*,—говоритъ Толстой (разумѣется совсѣмъ невѣрно) значитъ «преходить», и стало быть ἐν τῷ αἰῶνι τῷ ἐρχομένῳ: значитъ въ вѣкѣ нынѣ преходящемъ, стало быть въ *этой*, въ здѣшней жизни». Это утверждаетъ Толстой, не взирая на бессмысліе превращенія вѣчной жизни въ преходящій временный вѣкъ.

Не стоитъ труда слѣдить, стихъ за стихомъ, толкованія Толстого въ его изложеніи Евангелія. Любопытствующіе могутъ сами разсудить объ ихъ достоинствахъ.

Составивъ какую ни есть систему своего ученія, Толстой, казалось бы, долженъ, если вѣрить въ нее, и жить такъ, какъ вѣрить. Онъ

объявилъ, что всякое правительство, всякій законъ, всякая собственность—зло: слѣдовало бы и отвергнуть всякія удобства жизни на этомъ злѣ основанныя. Попутно отвергаетъ онъ рѣшительно и табакъ и алкоголь и мясо. Но жизнь всетаки его пересилила. Своякъ его рассказываетъ, что когда онъ обработалъ свою схему единственно возможнаго счастья, то не только не ощутилъ себя счастливымъ, но почувствовалъ угнетеніе духа. Женѣ и дѣтямъ и на мысль не приходило отказаться отъ владѣнія Ясною Поляной и добывать себѣ хлѣбъ полевою работою. Затѣмъ стали одолѣвать его посятители. Деруледъ явился и сталъ склонять его на сторону реванша; стали пріѣзжать романтическія дамы (типъ, коего онъ не выносить)—съ тѣмъ, чтобъ у него «учиться жить»; появлялись и дамы практическаго свойства, угрожая застрѣлиться, если не спасетъ ихъ, давъ тысячу рублей. Лже-Толстой говоритъ, что когда люди просятъ денегъ, то ради любви къ нимъ не слѣдуетъ давать, а развѣ только изъ учтивости; и онъ же говоритъ, что когда люди крадутъ вещи, стало быть вещи имъ нужны и стало быть они имѣютъ право взять ихъ. Однако изъ разсказа выходитъ, что когда такія дамы являлись, подлинный Толстой выходилъ изъ

себя, а графиня выживала ихъ изъ дому. Сшилъ Толстой пару сапогъ— дѣло повидимому полезное,— и стало ему тошно, когда узналъ, что одинъ изъ его поклонниковъ хранить у себя эти сапоги въ стеклянномъ ковчегѣ. Правительство относилось къ нему очень добродушно и снисходительно; но дѣло требуетъ порядка, и разъ какъ-то Толстой былъ вызванъ въ судъ свидѣтелемъ по дѣлу. Дѣвица Серонъ, жившая гувернанткой въ Ясной Полянѣ, рассказываетъ, что Толстой явился въ судъ въ тулупѣ, выложилъ на столъ свертокъ рублей, сказавъ: «вы не можете меня принудить принять присягу,— вотъ вамъ мой штрафъ», и вышелъ вонъ.

Эта же дѣвица рассказываетъ, что жалость было смотрѣть на бѣднаго пророка, когда онъ пытался бросить куренье.

«Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ, точно не находилъ себѣ мѣста. То зажжетъ папироску и броситъ ее, то пробуетъ вдыхать дымъ, когда закурятъ другіе. На послѣдокъ все таки не въ силахъ былъ совѣмъ бросить привычку—вѣдь это успокоивало ему нервы. Напрасно люди думаютъ, будто Толстой аскетъ въ строгомъ смыслѣ слова».

Лже-Толстой говоритъ, что литература—порочное дѣло; а подлинный Толстой точно одер-

жимъ зудомъ писательства и не отходитъ отъ письменнаго стола. Одинъ изъ его портретовъ работы Рѣпина изображаетъ его, окруженнаго косами и граблями, какъ онъ сидитъ въ неловкой позѣ на табуретѣ, въ своемъ тулупѣ, у стола—и передъ нимъ два серебряныхъ подсвѣчника. Послѣ обѣда, говоритъ дѣвица Серонъ, онъ прохаживается по лѣсу съ топорикомъ. И она сама, аматерка Толстовства, описываетъ съ улыбкой, какъ онъ возвращается съ прогулки по полямъ, довольный, принося съ собой навозный запахъ.—«Я помираю, говоритъ, со смѣху, на него глядя».—И еще,—не взирая на свои убѣжденія, не чуждается онъ и велосипеда, и даже присоединяется къ молодежи въ презрѣнной и безнравственной игрѣ въ лаунъ-теннисъ.

Вообще, нарадоваться можно на эту мирную картину—какъ хозяинъ Ясной Поляны по человѣчески живетъ у себя въ большомъ домѣ, въ своемъ тулупѣ, съ графиней, занимаясь игрою въ Толстовство.

Похоже на идиллію, когда смотришь на подлиннаго Толстого. Но идиллія исчезаетъ, когда является лже-Толстой, сочинитель книгъ. Въ своей книгѣ «царство Божіе внутри васъ есть» онъ выводитъ куріозную теорему «Параллелограмма нравственныхъ силъ», усиливаясь

доказать, что изобрѣтеніе и потомъ нарушеніе неестественныхъ правилъ жизни составляетъ самую сущность философскаго христіанства.

«Люди, называющіе мою систему непрактичною (говоритъ Толстой), совершенно правы, если смотрѣть на черты совершенства указанные въ ученіи Христа какъ на правила подлежащія для cadaго изъ насъ къ исполненію, подобно тому какъ по закону общества обязательень напри-мѣръ платежъ податей... Совершенство, черты коего предъ очами христіанъ, безконечно, никто не можетъ достигъ его, и Христось имѣеть это въ виду: но Онъ знаетъ, что стремленіе къ полному и безконечному совершенству составляетъ и приумножаетъ счастье человѣка... Христось учитъ не ангеловъ, но людей, живущихъ животною жизнью, и къ животной силѣ движенія Христось какъ бы прилагаетъ другую силу, именно сознаніе Божественнаго совершенства, и такимъ образомъ *направляетъ это движеніе жизни по равнодѣйствующей двухъ силъ*... Сила животная всегда одна и таже и находится внѣ власти человѣка... Божественное совершенство есть азимптотъ человѣческой жизни, къ которому она постоянно приближается, но коего можетъ достигнуть только въ вѣчности» *).

*) *Равнодѣйствующую, результантою* въ механикѣ назы-

Такое ученіе довольно легко примѣнить каждому человѣку въ своей жизни. Отречься отъ собственности и семьи—и жить съ женой и дѣтьми въ комфортабельномъ помѣстьи—дѣло вѣрнаго себѣ христіанскаго философа...

Но примѣнять такое ученіе къ общественной жизни—дѣло тяжкое. Какую результату, равнодѣйствующую даетъ намъ этотъ параллелограммъ—хоть бы въ военномъ дѣлѣ? Отречемся отъ войны—и что же? Будемъ сражаться вилами? Или наприм. этотъ параллелограммъ къ какой приведетъ насъ сдѣлкѣ между уничтоженіемъ судовъ и нашей порочною склонностью къ правосудію? Развѣ къ закону Линча?

И вотъ еще неразрѣшимый вопросъ, если тотъ же параллелограммъ намъ не разрѣшитъ его. Если всѣ люди станутъ (какъ учить Толстой) воздерживаться отъ произведенія на свѣтъ дѣтей,—что станется съ родомъ человѣческимъ?

Противорѣчіе Толстого съ самимъ собой явственно обнаружится, если сопоставимъ рядомъ два его разсужденія объ обязанности жен-

вается сила, соединяющая въ себѣ совокупное дѣйствіе двухъ или болѣе силъ, дѣйствующихъ въ разномъ направленіи.

Асимптота значить: линія, которая, усиленно приближаясь къ кривой, и простираясь хотя бы до безконечности, никогда не можетъ съ нею встрѣтиться.

щинъ. Въ эпилогѣ Крейцеровой сонаты онѣ явно обрекаются на постоянное дѣвство.

«Христіанинъ не можетъ смотрѣть на плотское совокупленіе иначе, какъ на грѣхъ, какъ сказано у Мате. V, 25... и въ слѣдствіе того долженъ неизмѣнно избѣгать брака».

Вотъ одно сужденіе. Другое находимъ въ сочиненіи Толстого: *«что намъ дѣлать?»*

«Какъ сказано въ Библии, мужу и женѣ данъ каждому свой законъ: мужу—законъ труда, женѣ—законъ дѣторожденія... Тотъ и другой законъ—неизмѣнный... и нарушеніе его неминуемо наказывается смертью... Если вы вѣрныя матери, сколько бы ни было у васъ дѣтей, двое-ли или двадцать,—не можете сказать: довольно... Не можете вы заботу о кормленіи ихъ и нянчаньи слагать съ себя и поручать другой матери... потому, что этотъ трудъ есть жизнь ваша, и стало быть, чѣмъ больше у васъ этого труда, тѣмъ жизнь ваша полнѣе будетъ и счастливѣе».

И такъ очевидно Толстой обращаетъ насъ къ параллелограмму силъ для продолженія нашего рода.

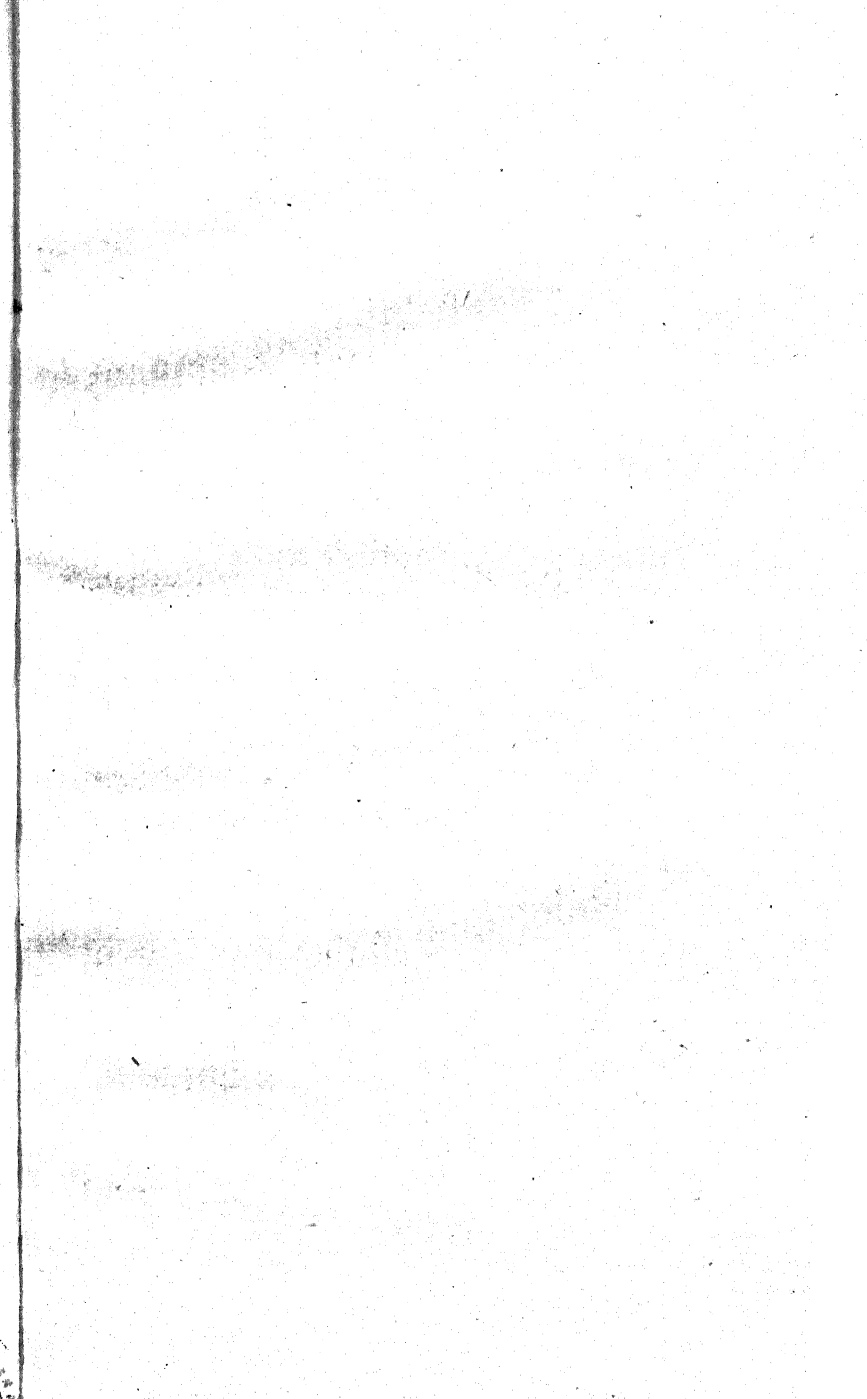
Ученіе Толстого содержится во множествѣ книгъ и памфлетовъ: и нѣтъ возможности перечислить въ краткомъ очеркѣ всѣ черты его

непоследовательности и всю массу противорѣчій, поглощаемыхъ его учениками; но и по приведеннымъ примѣрамъ можно судить о широтѣ умственной ихъ воспріимчивости. Читатель можетъ и теперь составить себѣ понятіе объ умственномъ настроеніи тѣхъ, кои признаютъ все ученіе церкви беззаконнымъ и нечестивымъ обманомъ, и въ то же время негодуютъ на жестокость Св. Синода, когда онъ устраняетъ Толстого отъ всякаго участія въ этомъ нечестивомъ ученіи.

Толстого можно назвать колеблющимся пророкомъ: онъ не останавливается ни на положительномъ утвержденіи, ни на рѣшительномъ отрицаніи, но говоритъ: «это вѣрно... по крайней мѣрѣ это можетъ быть вѣрно... но нѣтъ, въ сущности я увѣренъ, что это невѣрно». — А ученики, воспринимая такія слова, твердятъ отъ себя такое вѣрованіе: «Мы увѣрены, что это вѣрно, что это можетъ быть вѣрно и что въ сущности все таки невѣрно».

И такъ мы, не будучи Толстовцами, можемъ пожалуй спросить: въ самомъ дѣлѣ этотъ добродушный хозяинъ Ясной Поляны, онъ-то самъ въ правду-ли Толстовецъ?

Цѣна 15 коп.

Продается въ Синодальныхъ книжныхъ лавкахъ.